

Илья Крапивин

Ayang Utriza Yakin and Louis-Léon Christians, eds. Rethinking Halal: Genealogy, Current Trends, and New Interpretations. Leiden, Netherlands: Brill, 2021. 303 pp. ISBN 9789004459236.

Илья Крапивин, факультет антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. ikrapivin@eu.spb.ru.

Рецензируемый сборник «Рынок халяль: генеалогия и текущие тренды» под редакцией сотрудников Левенского католического университета Аяна Утриза Якина и Луис-Леона Кристианс – 37-й выпуск в серии «Muslim Minorities» издательства «Brill» – посвящен переосмыслению понятия халяль в свете его современной трансформации. В исламском праве халяль означает то, что дозволено в противовес хараму, то есть запретному. Чаще всего это понятие применяется к мясу животных и подразумевает, что они должны быть забиты специальным образом. За последние два десятилетия значение обсуждаемого термина расширилось: если традиционно речь шла о мясе, то сегодня маркировку халяль можно увидеть на множестве товаров. Помимо этого, халяль стал встраиваться в более широкие дискурсы экономической и потребительской этики, связанные с экологичностью, качеством и чистотой.

Ключевое изменение, на которое Якин и Кристианс обращают внимание во введении, связано с появлением и широким распространением сертификации халяль. Последняя внесла в определение халяль научную логику, что привело к переосмыслению халяль через призму научного и систематизирующего знания. Например, в рамках проверки дозволенности продукции сертифицирующие органы начали активно обращаться к тестам, способным выявить ДНК свинины. Таким образом, вместе с шариатскими экспертами знание о халяль стали создавать и светские ученые: их заключение затем переводится с научного языка на религиозный и интерпретируется в соответствии с нормами шариатской эпистемологии. Результатом «феномена халяль» стало появление разнообразных сертифицирующих органов, находящихся в сложных и противоречивых отношениях с потребителями, государствами и друг другом, что, однако, не означает победу экономической или политической инструментализации религии над ее внутренним смыслом.

Эти процессы и оказываются главными темами рецензируемого издания. Авторы пытаются ответить на вопросы о том, как локальные дебаты и контексты определяют практику халяль, как халяль понимается и сертифицируется в исламских и неисламских странах, с какими дилеммами сталкиваются разнообразные агенты, утверждающие границы халяль и вырабатывающие нормы и стандарты для его определения.

Стоит отметить географию, которую охватывают статьи коллективной монографии: это страны как с мусульманским большинством, так и меньшинством, хотя последние все-таки преобладают. В их числе Бельгия, Германия, Польша, Италия, Китай, Испания и Россия. На фоне этого многообразия статьи, посвященные странам му-

сультанского большинства, ограничены всего двумя странами Индонезией и Малайзией. С одной стороны, такой дисбаланс объясняется тем, что Юго-Восточная Азия является драйвером развития халяльной индустрии, с другой – включение в сборник материалов об арабских странах, Иране или Турции уравнило бы повествование и дало бы более широкое представление о функционировании халяля в мире.

Статьи сборника написаны представителями различных дисциплин, что обуславливает его неоднородность. Якин и Кристианс поясняют такой подход желанием показать взаимосвязь религиозной доктрины с экономическими и политическими факторами, чтобы «исследовать многочисленные составляющие практик в контекстах, характеризующихся как мусульманские» (с. 10). По мнению редакторов монографии, такой подход позволяет им придерживаться оптимального баланса между «исламизмом», объясняющим те или иные явления в мусульманских контекстах исламом и его нормами, и «социологием», концентрирующимся на внешних – экономических и политических факторах.

Сборник состоит из введения и двух частей. Первая посвящена генеалогии понятия халяля и особенно теологическим дебатам вокруг его трансформации – вынесению фетв, появлению сертификации, роли шариатского авторитета и изменениям в мусульманской повседневности, привнесенным капитализмом. Вторая часть сфокусирована на сертификации и рынках халяля в европейских государствах, тем самым проливая свет на разницу в процессах сертификации и управлении халяля в разных странах.

Первая часть сборника начинается со статьи Харуна Сенджа (Harun Sencay) и Мехмета Асутая (Mehmet Asutay) о том, как из-за влияния капиталистической рациональности, выражающейся в апелляции шариатских экспертов к снижению транзакционных издержек и повышению эффективности, в исламское право вносится новый независимый источник – «маслах», означающий дозволенность явлений, несущих общественное благо. Будучи встроенными в капиталистическую систему, исламские финансы не могут бросить ей вызов и, как следствие, сближаются с обычными финансовыми институтами. Это приводит к доминированию в исламском праве правила маслах, не требующего доказательств из Корана и Сунны и порой даже противоречащего им. Рост влияния маслах исследователи связывают с проблемой столкновения ислама и современной жизни, значительно отличающейся от времен Пророка. Простых решений для этого напряжения нет, что обуславливает существование легитимированного через дискурсивную традицию компромисса.

В следующей главе Джаджат Бурханудин (Jajat Burhanudin) анализирует египетские сборники фетв начала XX века. Исследователь обнаруживает, что до периода модернизации вопросы о халяльности пищи практически не возникали, так как еда была преимущественно домашней. Так, текущие дебаты о халяле зародились относительно недавно, а их происхождение обусловлено урбанизацией и ростом капиталистического производства. В отличие от начала XX века сегодня на фоне роста пищевой промышленности, чаще всего управляемой немусульманами, в Юго-Восточной Азии растут сомнения в дозволенности той или иной пищи. Все это вызывает среди мусульман желание более конкретно определить границы халяля не только для продуктов питания, но также других товаров и услуг.

Следующая статья продолжает исследование фетв о халяль. Шафик Хашим (Syafiq Hasyim) считает важным показать, как в процессе вынесения фетв происходят дискуссии по поводу рыночных отношений, образа жизни и государственного регулирования. Особенно актуальной автор находит эту тему в свете того, что Индонезия и Малайзия стремятся стать мировыми халяльными центрами, а фактор дозволенности или запретности при выборе того или иного продукта является для потребителей-мусульман этой части света определяющим.

Далее в отдельной главе Зайнаб Эль Бернусси (Zaynab El Bernoussi) повествует о том, как Китай выстраивает отношения с мусульманами внутри страны и как позиционирует себя на рынке халяль. В стране существуют две этнические общности, исповедующие ислам – тюркоязычные уйгуры и китайязычные хуэй. Разница между ними в том, что в отношении уйгуров Китай осуществляет репрессии, направленные на ограничение их религиозной практики и идентичности; хуэй же, напротив, используются властями в качестве мусульманской «витрины» для укрепления дипломатических связей со странами Ближнего Востока и Магриба. Исследовательница пишет, что китайские мусульмане относятся к халяльной продукции из Китая с меньшим доверием, нежели к товарам из Малайзии, Сингапура и Индонезии с местной халяльной маркировкой; тем не менее остается неясным, каким образом это недоверие формируется и насколько оно распространено. Также Эль Бернусси упоминает, что на данный момент у Китая нет органов сертификации и регулирования халяль. В таком случае возникает вопрос, как при отсутствии органов сертификации халяль возникает в качестве товара? Как потребители узнают, что продукция является халяльной, если она не имеет сертификации? Так или иначе, эти подробности Бернусси не приводит, равно как и не поясняет, как в Китае устроена институализация ислама в лице каких-либо мусульманских религиозных организаций.

В последней главе первой части Эн-Чие Чао (En-Chieh Chao) задается вопросом, как началась институционализация сертификации халяль в Индонезии. В условиях массового капиталистического производства потребовались новые способы определения халяль, в частности, сертификация, основанная на научных принципах и экспертизах. Когда в 1989 году при Индонезийском совете улемов (Majelis Ulama Indonesia, MUI) появился сертифицирующий орган, многие мусульманские производители не стали спешить с маркировкой товаров, потому что их клиенты и так знали, что продукция дозволена. В ходе изменений общественного мнения спрос на сертификацию стал выше, тем более что MUI предлагал аудит, который проходил бы раз в два года и каждый раз доказывал халяльность товара.

Вторая часть сборника под названием «Сертификация халяль: новые интерпретации в критической перспективе» уделяет особое внимание сертификации халяль и местным контекстам ее проведения. Открывает эту часть статья Аяна Утриза Якина (Ayang Utriza Yakin) «Сертификация халяль, стандарты и их следствия в Бельгии». Исследователь утверждает, что появление сертификации халяль – внедрение стандартов и бюрократических скриптов – изменило в мусульманских и немусульманских странах структуру религиозного авторитета, сместив его от мусульманских ученых-экспертов к бюрократическому аудиту. Проверяю-

щие органы стали авторитетом, перформатирующим халяль: они регистрируют, проверяют и регулируют, тем самым давая право называть продукт дозволенным. Слабая сторона статьи Якина состоит в том, что исследователь недостаточно подробно раскрывает местный контекст религиозного урегулирования. Например, для России и многих немусульманских стран Европы характерна связь органов сертификации халяль и представительских мусульманских организаций, имеющих более широкий спектр задач и возможностей. Из статьи явно не следует, какие именно организации сертифицируют халяльную продукцию и как они взаимодействуют друг с другом. Не раскрыто и то, на основании чего строится авторитет и доверие потребителей к этим организациям.

В следующей главе Росселла Боттони (Rossella Bottoni) фокусируется на том, как понятие «халяль» встраивается в правовые системы Италии и Испании. Основная проблема, с которой столкнулись эти страны, заключается, с одной стороны, в стремлении ислама и мусульман к плюрализму (в том числе правовому), в результате чего различные сертифицирующие организации имеют свои стандарты. С другой стороны, все популярнее становятся призывы к единой стандартизации определения халяль. Обе страны подошли к регулированию обсуждаемого вопроса через присвоение товарных знаков с условием, что термин «халяль» не может быть монополизирован, поэтому в Италии и Испании нельзя размещать на упаковке слово «халяль» без дополнительных обозначений (например, названия сертифицирующей организации).

Девятая статья сборника за авторством Лорен Кроссланд-Марр (Lauren Crossland-Marr) посвящена исследованию того, как в контексте халяль происходит сдвиг в сторону морализации потребления. Автор обнаруживает, что религиозные формы институализации этики питания сосуществуют со светскими формами. Например, в мусульманском тезаурусе существует категория «тайиб», зачастую фигурирующая в контексте чистоты или описания благих вещей и поступков. Чтобы пища была «тайиб» необходимо исключить жестокое обращение с сельскохозяйственными животными и манипуляции с их пищей при помощи химикатов и иных действий, способных принести страдания в угоду производительности. В этой точке сертификация халяль начинает сближаться с движениями против генетически модифицированных организмов и за гуманное обращение с животными.

Статья Конрада Пендзивятра (Konrad Pędziwiatr) посвящена противостоянию мусульманских организаций в Польше в сфере сертификации халяль. На фоне этого противостояния внутри них возникли разногласия из-за монополизации сертификации отдельными лицами, что привело к расколу как в татарской организации, «Мусульманском религиозном союзе» (Muzułmański Związek Religijny w Rzeczypospolitej Polskiej), так и в мигрантской «Мусульманской лиге» (Liga Muzułmańska w Rzeczypospolitej Polskiej). В то же время вопрос сертификации и практики халяль стал камнем преткновения между мусульманами и зоозащитниками, считающими халяльный принцип забоя негуманным. К сожалению, логика текста не позволяет подробно осветить различия в принципах сертификации Лиги и Союза. Также в статье нет информации о составе Лиги и стандартах, на которые организации опираются при сертификации халяль, или о верованиях и

мазхабах, которых они придерживаются. Возможно, автор преследовал другие цели, но добавление вышеперечисленных деталей заметно обогатило бы анализ.

Наконец, последняя глава сборника за авторством Маттео Бенусси (Matteo Benussi) посвящена Поволжью и рассматривает халяль в качестве образа жизни, связанного с повышенным вниманием к мусульманскому благочестию. Бенусси категорично утверждает, что халяль в качестве идеи возник в 1990-е годы. Хотя и в советское время деревенские старейшины считали, что есть свинину запрещено, они обращались к слову «гёне» (грех), а не «харам» или «халяль». Рост популярности халяльного образа жизни автор связывает с появлением среднего класса верующих мусульман, чья экономическая философия предписывает стремиться к успеху в обеих жизнях – в дунья и в ахирате, – а также с ростом предоставляемых капитализмом возможностей. Бенусси отмечает, что потребителям чаще всего недостаточно маркировки халяль, и на первый план в России выходит неформальное доверие, основанное на репутации конкретных людей или сообществ и распространяющееся за счет «сарафанного радио». Примечательно, что этот аспект практически не упоминался в статьях, посвященных халяльной индустрии в Европе или Юго-Восточной Азии. Исследователь отмечает, что постсоциалистические рынки крайне коррумпированы, однако это не дает полноценного ответа на вопрос, почему именно в российской среде так распространен скепсис по отношению к сертификации халяль.

Составляющие коллективную монографию статьи интересны и по отдельности, и в качестве смыслового единства. Будучи главной темой всего сборника, халяль предстает многокомпонентным явлением, в котором традиция ислама переплетается с глобализированной и капиталистической современностью, порождая новые способы интерпретации и практики халяль. В этом смысле книга оказывается весьма удачным примером анализа конкретных проблем и тем, существующих в современных исследованиях халяль. Среди них разнообразные подробности, касающиеся принципов сертификации, вопросы авторитета и доверия к сертифицирующим органам, проблемы устройства мусульманских организаций, сращивание мусульманских и неолиберальных дискурсов, взаимодействие государства и мусульманского бизнеса, изменения в вынесениях фетв. Таким образом, рецензируемое издание будет полезно антропологам ислама, исследователям практик питания и всем интересующимся индустрией халяль.